

Маленький роман о большой любви

Елена Глушенко

Отличница

Елена Владимировна Глушенко

Отличница

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Бармен смешал нам по коктейлю, кинул туда кубики льда и воткнул соломинки. Я поудобнее устроилась на высоком стуле и огляделась. Вдалеке Светка подавала мне непонятные знаки. Я улыбнулась ей и повернулась к Андрею:

– Знаете, когда я увидела Вас в первый раз, что называется, живьем...

Он вопросительно поднял брови, и я объяснила:

– До этого я видела Вас только на фотографиях в альбоме у Маркина. Так вот, когда я Вас увидела, то подумала, что Вас надо сдать в музей, как картину или статую.

– Я такой ветхий?

Глаза его смеялись.

– Нет. Вы такой красивый.

Коктейль был вкусный, и я сделала большой глоток.

– Вы не должны принадлежать какой-то одной женщине. Вы должны принадлежать народу, как искусство.

Похоже, я его веселю. Он снова заулыбался и тоже отпил из своего бокала»

Содержание

Август	5
Сентябрь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Глушенко

Отличница

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Оля, это тебе!

Рита, Наташа, Лена – будьте счастливы!

Август

Я проспала.

Накопившаяся усталость дала, наконец, о себе знать, и утром я совершенно не слышала, как включилось радио. Проснулась я внезапно, словно меня кто подбросил, и с ужасом уставилась на будильник. Без пяти девять! Уитни Хьюстон запела, что всегда будет любить меня, а я в панике заметалась по квартире. Через пару минут, проснувшись окончательно и сообразив, что все равно не успею на работу вовремя, даже если немедленно вылечу на реактивном самолете, я схватила за телефон.

– Свет, привет! Ты где?

– Привет! В лифте поднимаюсь. Уже почти на месте. А ты где?

– Еще дома. Я проспала, представляешь? Полночи огурцы солила. Слушай, Светик, прикрой меня, а?

– Ладно, попробую, только ты давай быстрее. А то сама знаешь: если Горгона тебя захочет, а ты не явишься пред ее светлы очи – крику будет...

– Да знаю. Ты в крайнем случае скажи, что я в «Книжный мир» с утра поехала. Проверить отчет.

– О'К. Ну, все, я уже пришла. Пока!

– Спасибо! Скоро буду.

Ну, вот. Теперь можно особо и не торопиться. Я с хру-

стом потянулась и посмотрела на ровный ряд банок, стоявших под окном. Огурцы были красивыми, рассол – прозрачным. Я знала, что это вкусно, но меня уже тошнило от заготовок.

...

Голова была словно ватой набита. Соображалось с трудом. Я вяло водила мышкой по столу, не в состоянии решить, что делать: уснуть тут же, на рабочем месте, или все же сначала что-нибудь съесть.

Мне повезло, никто мной с утра не интересовался, и я смогла незамеченной проскочить в свой кабинет. Кроме нас со Светиком там обычно располагались еще две девушки, но одна из них в настоящий момент была в отпуске, а другая – на больничном.

Светик уже умчалась на обед. Точнее, не на обед, а по магазинам. Света была самой молодой в нашем маленьком коллективе и самой модной. Она всегда знала, куда поступили новые коллекции, где проводятся распродажи, и сколько на этом можно сэкономить. Таня и Лариса тоже интересовались модой, но не так фанатично. Поначалу и меня пытались приобщить к этому веселому занятию, но безуспешно.

Мой желудок требовал хлеба, и можно даже без зрелищ. Конечно, лучше всего было бы сходить куда-нибудь нормально пообедать. Но мне так хотелось спать, что я решила ограничиться корейской лапшой, а затем подремать прямо на рабочем месте, на коврик для мышки. Я распечатала от-

чет и полезла в нижний ящик стола за очередным «Дошираком».

Послышался скрип открываемой двери, и знакомый голос произнес:

– Ау, люди! Вы где?

Я затаилась. Это Леха. Что-то мне сегодня совсем не хочется его видеть. Как пить дать, поспать не удастся.

– Петрова, отзовись. Я знаю, что ты здесь.

Ну, сколько можно говорить, что я уже пятнадцать лет, как Потапова? Безднадежно. Вздохнув, я начала выпрямляться, стукнулась головой о стол и уронила коробку с лапшой на пол. Через мгновение он уже был рядом.

– Брось немедленно эту гадость. Пошли в столовую.

Я попыталась, было, сопротивляться, но он подхватил меня под руки и потащил в коридор.

...

Всякие кафешки, в изобилии расположенные вокруг конторы, кормили неплохо, но уж больно дорого. Поэтому у знающих особой любовью пользовалась столовая районной администрации в пяти минутах ходьбы от моей работы. Цены там были просто смешные. Мой личный рекорд составлял двенадцать рублей пятьдесят копеек. В эту стоимость входили салат из свежей капусты, каша манная и чай с лимоном.

Я ковырялась в тарелке с винегретом и наблюдала, как Леха поглощает свой обед. Покончив с салатом, он съел борщ, затем отбивную с пюре, потом оладьи с повидлом и, наконец,

запил все это соком. Вытерев рот салфеткой и отодвинув в сторону тарелки, он сложил руки перед собой и уставился на меня.

– Рассказывай.

– Чего рассказывать?

– Все рассказывай. Как дела? Как Потапыч?

– Дела хреново. Потапыч в лагере. Через неделю возвращается.

– В каком лагере?

– В спортивном. Третья смена.

– Мы теперь спортсмены?

– Да, самбисты. Я же тебе говорила.

– Правда? Не помню. А почему дела хреново?

Я замялась. Ну, как ему объяснить, что без сына дома ужасно одиноко, особенно в выходные. Что я устала смертельно, работая, что называется, на износ, и, наверно, не доживу до отпуска. Что меня достали эти бесконечные соленья-варенья, и я уже на дух не переношу огурцы. Что меня утомили мои родственники, которые все выясняют и выясняют свои отношения, а мне приходится выслушивать обе стороны.

– Да так. Устала, наверно.

Он прищурился.

– Петрова, ты здорова?

Я отодвинула винегрет и взяла стакан с чаем.

– Машка, ты когда в последний раз смотрелась в зеркало?

Ты же сине-зеленая.

– Это я огурцы полночи солила.

– Ау, есть кто-нибудь дома? – он протянул руку через стол и постучал согнутым пальцем по моей голове. – Здорова ли княгинюшка головушкой?

Тут, наверно, нужно кое-что прояснить. Вообще-то, я не часто позволяю стучать себе по голове. Просто Леха Маркин был единственным, от кого я могла это стерпеть. А еще точнее, он был единственным, кто мог до этого додуматься.

Дело в том, что я его знаю столько, сколько себя помню. Давным-давно, в наш город на строительство оборонного завода приехали по комсомольской путевке молодые люди со всей страны. Мой папа родился в Астрахани, а мама в Подмосковье. Познакомились они в клубе на танцах, а когда поженились – получили комнату в коммуналке аж на четырех хозяев. Одну из комнат занимали Маркины, тоже только что поженившиеся.

Мы с Лехой родились почти одновременно, он в апреле, я в мае, и нашим воспитанием занимались обе семьи по очереди, поскольку родители и того и другого работали в смену. Потом нас обоих отдали в ясли, и одно из первых моих воспоминаний – это как мы с Лехой и еще несколькими малышами сидим в туалете рядком на горшках.

Вообще-то, меня зовут Марина, но Леха долго не выговаривал букву «р», поэтому сократил мое имя до Маши вместо Мариши, а потом и вовсе перевел в Машки.

Через несколько лет нашим родителям выделили квартиры в одном доме в соседних подъездах. А еще через год мы с ним пошли в одну школу в один класс.

То, что Леха был старше меня на месяц, почему-то давало ему право относиться ко мне покровительственно. Он полагал своей прямой обязанностью совать нос в мои дела, совершенно не считаясь с тем, что я про это думаю. Я не была его подружкой – я была его подопечной. Просто он всегда опекал и защищал слабых: кошек, собак и меня в том числе. Меня никто никогда не обижал – все знали, что Маркин занимался боксом и на расправу был быстр.

Девчонки его буквально преследовали. Он не был ни высоким, ни красивым, но покорить мог любую. Его чары не действовали только на меня: я-то знала, каким нудным и депотичным он мог быть.

Учителя любили его, но побаивались, поскольку он был непредсказуем и мог выкинуть любой фортель. Учился Леха хорошо, без троек. Мог и лучше, но не хотел. «Умный, но ленивый», – говорила про него моя мама. Язык у него был подвешен замечательно. Часто он выходил к доске, понятия не имея, о чем его спросили. Но на лету схваченная мысль, буквально пара слов, сказанных кем-то из класса – и он устраивал шоу на полчаса. «Клоун», – бурчал физик и ставил в журнал «четыре».

Сейчас, когда я вспоминала, каким Маркин был в юности, у меня почему-то возникала ассоциация с Томом Кру-

зом времен «Тор Гун»: та же дерзкая улыбка, тот же горящий взгляд.

В детстве Леха мечтал быть путешественником. Помню, как однажды он потерялся. Его искали с милицией весь день и нашли на вокзале. Он ждал поезд на Северный полюс. Не знаю, выпорол его дядя Петя или нет, но целую неделю Леху не выпускали играть во двор.

У нас с ним были общие секреты. Например, как-то мы с классом встречали Новый год, и я первый раз в жизни напилась. Леха уверяет, что я была просто невменяемой. Не знаю, не помню. Он довел меня до квартиры, а может дотащил. Хорошо, что родителей и сестры не было дома. В другой раз, опять же в Новый год, когда весь народ, крепко выпивши, вышел на улицы размяться, он подрался с какими-то придурками, которые порвали ему пуховик. Я зашила ему пуховик так, что тетя Оля ничего не заметила.

Наши семьи вместе отмечали праздники и дни рождения. Потом родилась моя сестра Наташа, родителям выделили двухкомнатную квартиру, и мы переехали в другой район. Потихоньку, со временем, общение семьями сошло на нет, хотя на родительских собраниях наши мамы всегда сидели за одной партой (папы на собрания не ходили принципиально).

После окончания школы я хотела, было, поехать в Ленинград учиться на искусствоведа, но родители заявили, что я сначала должна получить нормальную специальность, которая будет меня кормить, и я подчинилась. В стране насту-

пала эра информатизации, и я поступила в университет на факультет прикладной математики. А Леха пошел учиться в институт радиоэлектроники. Мы почти перестали видеться, лишь изредка встречаясь на сборищах типа вечера встречи выпускников.

В университете я обзавелась новыми знакомыми, но настоящих друзей у меня не было. Моим единственным другом была младшая сестра Наташа. Я казалась себе обычной и невзрачной, была очень застенчивой и замкнутой и искренне полагала, что не способна заинтересовать кого бы то ни было, тем более молодых людей.

Поэтому, когда на третьем курсе Игорь Потапов стал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания, все были в шоке, и я – больше всех. Игорь приехал в наш город из глухой алтайской деревушки, и сплетники (точнее, сплетницы) утверждали, что ему позарез была нужна городская прописка. Я же была безоглядно счастлива оттого, что меня наконец-то заметили, поэтому вышла за Игоря замуж и стала Потаповой.

После окончания университета мы с мужем по распределению оказались на том самом заводе, где всю жизнь проработали мои родители. Я попала в ИВЦ, а Игорь – в отдел Главного механика. В то время завод еще процветал, строил свое жилье, и довольно быстро нам с Игорем, как семье молодых специалистов, выделили однокомнатную квартиру.

Детей я не собиралась заводить как минимум лет пять, но

как-то так невзначай оказалась беременной и родила сына. Мы называли его Мишей. Когда он был совсем маленький, он ходил, смешно переваливаясь с боку на бок, как медвежонок, и все время ворчал – вылитый Михайло Потапыч.

Денег нам катастрофически не хватало, и Игорь вечерами подрабатывал то на стройке рабочим, то в магазине грузчиком, то в автосервисе ремонтником. А потом, когда ему стали регулярно задерживать зарплату, а мне пособие, Игорь уволился с завода и пустился в свободное плавание. Сначала они с приятелем создали кооператив и в гараже занимались ремонтом автомобилей. Дело пошло, и через некоторое время мастерская переехала в другое, более просторное помещение. Постепенно к мастерской добавилась автомойка, а потом и магазин с запчастями.

Игорь пропадал на работе сутками, но зато в доме стали появляться деньги. Время шло, Игорь все больше зарабатывал и все больше отдалялся от меня. Мы не скандалили, не ругались, не выясняли отношения – просто потихоньку становились чужими друг другу. Первое время я пыталась сопротивляться, что-то изменить, но потом смирилась. Сначала закончилась близость, затем разговоры. Наконец, однажды он просто собрал свои вещи и ушел из дома.

Если честно, я всегда знала, что рано или поздно это произойдет. Изредка, особенно в минуты близости, мне казалось, что он ко мне испытывает нечто большее, чем просто симпатию. Но, по большей части, я ощущала, что не особо

интересна ему и не смогу его удержать. Поэтому я ни в чем его не винила, а просто была ему бесконечно благодарна за то, что он подарил мне сына.

Развод я пережила достаточно спокойно. Мы ничего не делили, Игорь оставил все нам с Мишей. Я не чувствовала себя брошенной и униженной, просто меня не оставляло ощущение большой жизненной неудачи. Ведь я всегда все делала правильно, но тут почему-то не получилось. А вот что меня мучило сильнее всего, так это то, что, уйдя, Игорь вычеркнул из своей жизни не только меня, но и сына.

Нет, он не забывал о его Днях рождения, дарил подарки, причем щедрые – то игровую приставку, то роликовые коньки с набором амуниции. Просто они с Мишей совсем не виделись и не общались, и я с болью отмечала, что сыну этого очень не хватает.

Мои родители во внуке души не чаяли, хотя мама надеялась, что у меня родится девочка. Наверно, воспитав двух дочерей, она не представляла, что делать с мальчиком. Зато отец был просто счастлив. Когда Наташа вышла замуж и родила Катюшку, мама бо́льшую часть любви перенесла на внучку. Но для папы на первом месте оставался Потапыч. Отец водил его на рыбалку, они вместе ходили в гараж ковыряться в нашей старенькой шестерке. Мишаня помогал деду на огороде. Все это было здорово, но я понимала, что этого мало, и мучилась, не зная, как помочь сыну.

Я продолжала работать на заводе, не получая ни удоволь-

ствия, ни приличной зарплаты, но не решалась что-либо изменить. «Да кому я нужна?» – думала я.

Наташка давно пилила меня и подталкивала к решительным действиям, но я все трусила и тянула время. Это она сказала мне, что в «Инфо-сервисе» появилась вакансия. Под диктовку сестры я написала резюме, прошла собеседование, и, к моему огромному удивлению, меня приняли. Даже не знаю, почему меня взяли. Может, потому что я, будучи уверенной в отказе, вела себя спокойно и сдержанно, не пытаюсь кому-либо понравиться.

«Инфо-сервис» был известной в нашем городе фирмой, которая, как следовало из названия, оказывала своим клиентам различные информационные услуги. Меня взяли в группу, которая занималась обслуживанием предприятий, работающих на «1С».

Кроме меня в группе работали еще три девушки – Лариса, руководитель, Таня и Света. Я очень переживала, как меня примут в новом коллективе, но оказалось, что я волновалась напрасно – девушки оказались спокойные и доброжелательные. Жили и работали они дружно и соперничали лишь в одном – тряпки, сумки, обувь и прочее барахло. Тут я им была не конкурент.

Девушки периодически затаскивали меня на какую-нибудь распродажу, но я редко покупала себе вещи. И уж точно никогда не брала себе то, что они мне советовали. Мне гораздо комфортнее было в толстых объемных свитерах (бес-

форменных по мнению Светы) и джинсах.

Возглавлял «Инфо-сервис» Виталий Петрович Гавриленко, солидный, как мне показалось при первой встрече, дядечка. Я была потрясена, узнав, что ему всего лишь чуть больше сорока. Он был главным стратегом фирмы и рулил, так сказать, в долгосрочной перспективе. А текущими делами в фирме занималась его замша, Анна Семеновна Гордеева, Горгона в обиходе. Вот это был монстр! Хотя, наверное, так и нужно такой конторе, как наша, где работали люди творческие, а значит, не понимающие, что такое дисциплина. Горгона не была злой. Она была бдительной – всевидящее око, всеслышащее ухо.

«Инфо-сервис» занимал примерно половину восьмого этажа в здании какого-то бывшего НИИ. На остальной территории размещались фирма «Том-софт», обувная мастерская и филиал крупной туристической компании.

В первый день моей работы на новом месте девочки потащили меня в обеденный перерыв на улицу – познакомить с окрестностями и покормить в кафе. Мы стояли в коридоре, ждали лифт и болтали о том, о сем. Я в основном помалкивала и смотрела, как меняются цифры на табло: шесть, семь, восемь... Наконец, двери разъехались в сторону, и из лифта вышел Алексей Маркин собственной персоной.

– Здравствуйте, красавицы! – сказал Леха, улыбаясь своей фирменной улыбкой Тома Круза.

– Здравствуй, Лешенька! Леша, привет! Ах, Леша! Ох,

Леша! – девушки возбуждились и на глазах стали терять контроль над собой.

Тут он заметил меня.

– Опаньки! Не может быть! Машка, ты ли это? Сколько лет, сколько зим!

Леха шагнул ко мне, обхватил за плечи и пару раз дружески встряхнул. Девицы смотрели на нас во все глаза.

– Ты что тут делаешь?

– Я тут теперь работаю.

– У Петровича? Круто! Слушай, да ты меня преследуешь! – он явно был рад нашей встрече.

– Продолжай мечтать! – я тоже очень обрадовалась. – А ты что здесь делаешь?

– Так я тоже здесь работаю.

– В «Инфо-сервисе»?

– Да ни боже мой! Девочки, без обид! В «Том-софте», конечно. Но у Петровича тоже неплохо. Правда, красавицы?

Красавицы плотоядно смотрели на него и шумно дышали. Леха улыбнулся персонально каждой и со словами «Ну, ладно, заходи в гости! Всем пока!» направился в свой офис. А мы пошли на обед.

Поесть в тот день мне толком не дали. У меня выпрашивали подробности моего знакомства с Маркиным и пересказывали последние сплетни. То, что Леха когда-то был женат, я знала. Но оказалось, что он был дважды женат и дважды разведен. Что «Том-софт» он создал на пару с другом, то-

же парнем хоть куда, правда женатым. Друг по имени Костя Бобров был директором «Том-софта» и осуществлял общее руководство фирмой, а Леха Маркин являлся мозгом этой организации. Фирма занималась разработкой программного обеспечения преимущественно для зарубежных клиентов – в Америке и Канаде, но начинала оглядываться по сторонам и присматриваться к местным заказчикам. Так что, в некотором роде, наши конторы были конкурентами.

С Лехой мы теперь виделись хоть и не каждый день, но все же довольно часто. Если была хорошая погода, он вытаскивал меня на обед – выгуливал, так сказать. Несколько раз, когда я засиживалась на работе допоздна, он подвозил меня до дома на своей красной спортивной «Мазде». Девушки отчаянно ревновали и никак не могли поверить, что между нами ничего не было и нет.

Как будто вернулись старые добрые времена – он снова взял надо мной шефство. Не такое тотальное, как в детстве, но все такое же бесцеремонное. Снова вернулся этот покровительственный тон и привычка совать нос в мои дела.

Вот и сейчас он сидел напротив и смотрел на меня, как строгий учитель смотрит на провинившегося первоклашку. А я почему-то ежилась под этим суровым взглядом.

– Слушай, Машка, вот гляжу я на тебя и думаю – ты когда-нибудь начнешь жить по-настоящему?

Я опешила.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что ты не живешь, а спишь. Как лунатик, который ходит, разговаривает и даже что-то делает, но при этом спит. Так, может, хватит дрыхнуть?

Я начинала закипать, но пока не знала, что сказать. Он это заметил и поспешил продолжить.

– Знаешь, кто ты? Ты марионетка. Тебя все вокруг дергают за ниточки, а ты послушно поворачиваешься в нужную сторону. Не ты управляешь собственной жизнью, а тобой управляют. Манипулируют.

Мне совсем не нравилось то, что я слышала, но я продолжала слушать.

– Чем больше я с тобой общаюсь, тем меньше узнаю ту Машку, которую знал когда-то давно. А ведь я помню время, когда тебя было невозможно заставить что-либо сделать без твоего согласия.

Если такое и было когда-то, то так давно, что я этого совершенно не помнила.

– Не помнишь? А помнишь, как мы играли в войнушку и подложили под машину бородатого дядьки из третьего подъезда взрывчатку – пакет с какой-то дрянью. Родители тогда гонялись за нами по всему двору. Батя грозился нас выпороть, а ты мне запрещала сдаваться в плен до тех пор, пока он не пообещал, что не тронет нас пальцем.

Это не могла быть я.

– А помнишь, за клюквой ходили на болото, туда, где сейчас стадион?

Болото я смутно помнила.

– Между прочим, это ты нас с пацанами подбила пойти за клюквой. Я тогда еще по пояс провалился, а ты и Колька меня вытаскивали. Неужели не помнишь?

Что-то такое вспоминалось, но как будто в кино про кого-то другого.

– Короче, Петрова, «...Пора, красавица, проснись! Открой сомкнуты негой взоры...» и дальше по тексту.

Он откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. С одной стороны, мне было обидно все это слышать. С другой стороны, где-то в глубине души я понимала, что он прав. Пусть я и не помнила себя такой, как он мне описывал, но моя теперешняя жизнь давно уже была именно сном – я просто плыла по течению, не пытаюсь с ним бороться. Может быть, действительно пришло время перемен?

– Знаешь, Леша, это все как-то неожиданно...

– Слушай, Машка, я не хотел тебя обидеть.

– Да нет, все в порядке! К тому же, ты во многом прав. Я как-то раньше не задумывалась об этом...

– Вот и подумай. Ты же раньше была умной, даже отличницей.

– Ну и гад ты, Маркин!

– Может, и гад. Зато веселый, преуспевающий и довольный жизнью. А ты серая, тусклая, ходишь черт знает в чем и не красишься.

– Мне не для кого краситься, – огрызнулась я.

– И не будет, можешь мне поверить. Кому ты такая нужна? Точно, он гад. Но ведь прав!

– Можно подумать, я накрашусь – и все изменится.

– Нет, конечно. Начинать надо с другого.

– С чего?

– Надо перестать бояться.

– Кого? Или чего?

– Всего.

– Я не боюсь.

– Еще как боишься. Боишься обидеть, боишься отказать, боишься быть самой собой. В следующий раз, прежде чем что-либо сделать, спроси себя – а тебе это надо? Не кому-то, пусть даже и близкому человеку, а тебе именно.

– А что плохого в том, чтобы уступить близкому человеку?

– Ничего, если это сообразуется с твоими интересами. Если же ты себя насилуешь...

– А если мой отказ сделает человека несчастным?

– Если этот человек тебя искренне любит, а не банально тобой манипулирует, то он не захочет собственного счастья ценой твоего несчастья. То есть он никогда не потребует от тебя жертвы, зная, что это сделает несчастной тебя, понимаешь?

Кажется, да.

– Ладно, ты подумай над тем, что я тебе сказал. Время у тебя есть. Вернусь – договорим.

– То есть?

– Я же тебя зачем позвал? Хотел попросить, чтобы ты кота кормила, пока я буду в отпуске.

Ну, и дела!

– А когда ты кота успел завести?

– Никого я не заводил. Он сам пришел.

– Это как?

– А так. Прихожу домой, а он сидит в коридоре. Наверно, через форточку забрался – я же на первом этаже живу.

– Давно?

– Третий год уже.

– Да нет, я про кота.

– А... С зимы. Он замерз, наверно, и пришел погреться. Да так и прижился. Уходит, когда хочет. Приходит, когда хочет. Я ему «Вискас» на несколько дней насыплю, а ты попозже зайдешь, проверишь. Ладно?

– Ну, хорошо. А ты когда уезжаешь? И куда? Опять сплавляться будете?

– Точно. Завтра утром поезд. Слушай, у меня дел невпроорот, и вещи еще не собраны. Вот тебе ключи, это запасной комплект. Бери, и пошли отсюда.

Я взяла связку ключей и, слегка ошарашенная, послушно пошла за ним к выходу.

...

В последующие дни, чем бы я ни занималась, где бы ни находилась – дома или на работе – в голове постоянно кру-

тились обрывки нашего разговора. Я все никак не могла поверить, что представляю собой настолько жалкое зрелище.

Хотя, если Леха и преувеличивал, то самую малость. Я действительно жила с ощущением, что то, что происходит со мной сейчас – это понарошку. Как будто я писала черновик. Но однажды я возьму и перепишу все набело и начну жить в полную силу. Правда, что именно должно произойти, чтобы меня, наконец, встряхнуло, я понятия не имела. Наверно, Леха Маркин должен был постучать меня по голове.

На следующий день после нашего с ним разговора позволила мама и завела старую песню про то, как она устала с этим огородом. И помощи-то от детей практически нет, и куда девать эти огурцы-помидоры – непонятно.

Огород – это больная тема в нашей семье. Много лет назад, когда в магазинах было пусто, огороды (или сады, или дачи – в разных регионах нашей голодной страны их называли по-разному) действительно являлись хорошим подспорьем для многих семей. Все наши знакомые имели такие участки, и мама постоянно обменивалась с кем-нибудь семенами и рассадой.

Мы с сестрой терпеть не могли копаться в грядках. Я предпочитала сидеть дома с книжкой, а Наташка – играть в куклы. Но каждый выходной родители брали нас за шкуру и тащили на огород как на работу.

С тех пор много воды утекло. Все участки вокруг нашего давным-давно превратились в дачи, куда люди приезжали от-

дышать, а не вкалывать. И только мои родители каждую весну сажали немыслимое количество картошки-моркови-свеклы и ставили две огромные теплицы для огурцов-помидоров. А еще ведь были всякие кабачки-баклажаны-перцы, не говоря уже о зелени.

Потом все это приходилось окучивать, пропалывать, поливать и удобрять. Рано или поздно надо было собирать урожай и что-то с ним делать. И вот тут начиналось самое интересное. Каждый раз урожая оказывалось столько, что мама начинала раздавать его соседям, знакомым и всем желающим, лишь бы не пропал. Каждую осень велись разговоры, что хватит гробиться, тратить время, силы и деньги, куда нам столько, и, может быть, пора завязывать. Но наступала весна, и все повторялось сначала.

У меня уже ухо нагрелось от телефонной трубки, а мама все говорила и говорила. Я ее слушала-слушала, а потом неожиданно для себя сказала:

– Мамуля, я тебя очень люблю и помогать вам с папой не отказываюсь. Но если ты в следующем году не сократишь свои посадки минимум втрое, то я на огороде больше не появлюсь.

Она опешила и несколько секунд молчала.

– А для кого мы с отцом все это сажаем? Для себя, что ли? Нам ничего не нужно.

Голос у нее задрожал.

– Мамуля, пожалуйста, не обижайся и постарайся меня

понять. Сейчас в магазинах есть все и круглый год, в том числе свежие овощи и фрукты. Если вы считаете, что они для вас слишком дороги или недостаточно экологически чисты, то вы, конечно, можете выращивать их на своем огороде. Но посадите ровно столько, сколько нужно именно вам. Чтобы это было не в тягость в первую очередь вам самим. Мы с сыном будем приезжать вам помогать. Но знаешь, мне бы больше хотелось просто приехать отдохнуть. Покачаться в гамаке с книжкой, посплетничать с тобой вечерком на веранде. Понимаешь? Конечно, я не возражаю открыть зимой банку соленых огурцов. Но, если честно, мы с Мишкой вполне можем обойтись и без этого. Я достаточно зарабатываю, что купить в магазине все, что нам с ним нужно. Алло! Ты меня слушаешь?

Она молчала, а потом, не сказав ни слова, повесила трубку.

Я расстроилась и хотела ей перезвонить, но потом решила не делать этого. Нам обоим было над чем подумать. Я чувствовала себя виноватой за то, что сделала ей больно, но в то же время испытывала явное облегчение, как будто сбросила с плеч давний тяжкий груз.

Сентябрь

Я выполоскала тряпку и повесила ее сушиться на батарею. Не знаю, заметит Маркин или нет, что я вытерла пыль в его квартире. Он возвращался через два дня.

Кота я так и не видела. Я приходила сюда четыре раза, но этот бродяга или прятался от меня, или где-то гулял. Корм он добросовестно съедал, и я подсыпала ему свежий. Как-то мелькнула мысль купить ему рыбы, но мне было неизвестно, нужно ли ее сварить, или он будет есть ее сырой. И вообще, ест ли он рыбу?

Все. Корм насыпала, пыль вытерла. Пора было уходить, но что-то меня задерживало. Я снова прошла по квартире. Интересное это было жилище. Не знаю, как называется такой стиль. Помесь хай-тека с японским минимализмом. Много металла, стекла, все в основном белого и черного цвета. Очень мужское жилище. Ничего лишнего, никаких безделушек, много книг и техники. Все очень функционально и удобно.

Интересно, что телевизор у него отсутствовал. Зато монитор у компьютера был огромный. Похоже, кино Маркина не интересовало. Если Леха и смотрел фильмы, то скорее всего через компьютер. А вот я любила кино. Особенно старые фильмы, наши, да и голливудские с европейскими тоже.

Порядок в квартире был практически идеальный. Одеж-

да, брошенная в ванной впопыхах, не в счет – это Леха, наверно, торопился, собираясь в поход.

Мне было непонятно, почему он попросил кормить его кота именно меня, а не одну из своих длинноногих подружек модельной внешности. Я периодически видела таких с ним в машине.

Взяв с полки фотоальбом, я уселась на диван. Фотографии я уже видела – посмотрела в первый же приход. Но каждый раз доставала альбом и снова проглядывала снимки.

Здесь была история его приключений. Похоже, Леха сам фотографировал – он редко попадал в кадр. Вот снимки в горах – заросшие бородатые мужики с огромными рюкзаками на фоне заснеженных вершин. На ногах – тяжеленные ботинки, в руках – ледорубы, в глазах – счастье.

А вот подводная съемка. Акваланги, гидрокостюмы. Смутный силуэт в воде – то ли затонувший корабль, то ли еще что. Море, солнце, экзотические рыбы.

А здесь зима. Горные лыжи. Это Леха с загорелой улыбающейся физиономией катится по склону. Вокруг снег, сосны, люди в ярких разноцветных костюмах.

Или вот. Бурная речка, пороги, перекаты. Снова солнце, снова радость.

Лица, в основном, повторялись. С Костей Бобровым по кличке Бобер мы были знакомы, но и многих других я уже запомнила и начала узнавать. Особенно обращал на себя внимание один тип. На всех фотографиях, как летних, так

и зимних, он был загорелым. Длинные светлые волосы делали его похожим на викинга. Красавец, ничего не скажешь. Интересно, он в этот раз тоже поехал сплаваться вместе с Лехой?

Я не могла оторваться от фотографий. Что-то в них было такое, чему я никак не могла дать определение. Конечно, не всегда эти лица были веселыми. Иногда они выглядели усталыми, иногда озабоченными. Но всегда свободными. Вот оно! Они были свободными.

Ладно, пора закругляться. Уже темнело. Потапыч, наверно, сидит голодный. А мама ушла в магазин и потерялась. Я поставила альбом на место и пошла обуваться.

Там в коридоре на полу, возле моей сумки и пакета с продуктами, сидел здоровенный кот. Какой-то непонятной окраски, серый с темными и светлыми пятнами. Правого уха практически нет. Я смотрела на него, он смотрел на меня. Оба молчали.

Наконец, он раскрыл пасть (по-другому не скажешь) и сказал «Мяу!». Громко и внятно. Я не знала, что это означает, а спросить стеснялась. Может, он охраняет выход?

Через некоторое время кот встал, сунул морду в мой пакет, потом оглянулся на меня и снова сказал «Мяу!». А что там в пакете? Хлеб, макароны, сосиски. Сосиски!

– Ты, что ли, есть хочешь? – спросила я у него. – А как же «Вискас»? Надоел?

Я взяла пакет и пошла на кухню. Кот бежал впереди ме-

ня, показывая дорогу. А то я не знаю, где его миска! Решив, что трех сосисок будет вполне достаточно, я порезала их на мелкие кусочки и, сложив в блюде, поставила на пол рядом с миской. Кот сидел в некотором отдалении и ждал приглашения.

– Ну, давай, ешь. Хорошие сосиски, подкопченные.

Он встал и неторопливо направился к блюду. Внимательно обнюхал содержимое и начал есть – размеренно и аккуратно.

– Ну, все, мне пора домой. Приятного аппетита.

Он оглянулся на меня, но провожать не пошел.

...

Эту кофейню мы с Наташкой облюбовали около года назад и с тех пор периодически, примерно раз в месяц, а то и чаще, устраивали там посиделки вечером после работы. Сегодня я пришла сюда первой и сидела за нашим столиком, поджидая сестру и разглядывая публику.

Вчера я, не выдержав затянувшейся паузы, позвонила родителям. Мама была в ванной, и трубку взял папа. Мы поболтали с ним о том, о сем, а потом он вдруг сказал:

– Мы тут с матерью посоветовались – может, нам вообще продать участок к чертям собачьим?

Вот это да! Я, конечно, надеялась, что мои слова будут услышаны, но подобного результата вовсе не ожидала. Честно говоря, я испугалась, а отец продолжил:

– Я понимаю, что тебе этот огород не нужен, да и Ната-

лю с Максимом туда не затащишь. Нам-то с матерью совсем немного надо...

– Папуля, ну зачем же из крайности в крайность кидаться? Место там замечательное, река рядом, бор. К тому же всего двадцать минут до города. Ну и пусть это будет просто дача. Мы туда будем приезжать исключительно отдыхать. Шашлыки жарить, в конце концов. А потом, ты знаешь, если мама от бурной деятельности перейдет к полному бездействию, то она запросто найдет себе другое занятие. И, боюсь, это будет что-нибудь похлеще огорода.

– Да уж... – произнес папа и задумался.

– Скажи, она на меня обиделась? Только честно.

– Сначала да, даже всплакнула после вашего разговора. А потом ничего – подумала немного и успокоилась.

Ну и славно! Я, конечно, не верила, что мама решится продать огород – ну куда же она без него. Главное, я теперь знала, что могу, оказывается, сказать «нет», и это никого не убьет.

Боковым зрением я заметила, что по залу прокатилось какое-то оживление. Я уже догадывалась, что это. Это шла моя сестра. Женщины щурились, мужчины расправляли плечи и пытались втянуть животы. Я наблюдала такую картину уже несчетное количество раз, но все не переставала ей удивляться.

Самое интересное, что Наталья даже не пыталась понравиться окружающим. Она вовсе не была писаной красави-

цей. На самом деле, ей бы не помешало сбросить пару-тройку килограммов. Она не носила нескромное декольте или умопомрачительное мини, не злоупотребляла косметикой. Короче говоря, она вовсе не пыталась привлечь к себе всеобщее внимание. Но почему-то каждый раз, когда моя сестра где-нибудь появлялась, все взоры немедленно обращались в ее сторону. Интересно, почему?

Гарсон, который до сего момента не замечал моего присутствия, немедленно бросился к нашему столику. Наташка милостиво улыбнулась ему, заказала два кофе, и он ушел, ошарашенный.

Ну, что в ней такого особенного? Мама говорит, что мы очень похожи. Правда, Наташка выше меня и крупнее, и волосы у нее темнее и короче моих, но в остальном мы – как две капли воды. Я сегодня не в своем обычном свитере, а в приличном костюме и даже подкрашена слегка (жаль, Маркин не видит). Почему же мое появление в этом заведении не вызвало фурор, а Наташино – вызвало?

Мы болтали о пустяках, но я видела, что она чем-то расстроена.

– Что-то случилось?

Она замялась.

– Мама с Максом опять поругались.

О, Господи! Мало нам огорода.

– Что на этот раз не поделили?

– Да это из-за Катюшки. Мы с Максом решили отдать ее в

танцы, а мама против. Говорит, что ребенку еще рано – она слишком слабенькая.

– Вот как раз, чтобы окрепла и поменьше болела, и надо заниматься спортом. Или танцами.

– Ну, Макс так и сказал.

– А почему Макс? Ты-то где была?

Наталья виновато посмотрела на меня. Все ясно. Опять спряталась за широкую спину мужа.

– Слушай, Наташка, ты вроде как не при чем. Здорово устроилась!

– Но я совсем не хочу с ней ссориться!

– И не надо. Но, во-первых, это твой ребенок. Ты – мать, и это ты решаешь, заниматься твоей дочери танцами или нет. А во-вторых, перестань сталкивать их лбами.

Она внимательно разглядывала меня, как будто видела впервые.

– Ты сегодня какая-то не такая.

– То есть?

– Ну, не знаю... Обычно ты у нас миротворец. В духе непротивления злу насилием.

– А сегодня?

– Да не знаю я! Другая, и все тут.

Я и сама это чувствовала. Правда, я еще до конца не осознала, что со мной происходит, и пока не хотела это обсуждать.

Сестра, наверно, почувствовала мое состояние и решила

сменить тему:

– Что будем дарить Потапычу?

У Мишки скоро День рождения. Еще один предмет для размышлений с моей стороны. И вовсе не о подарке.

– Я пока не придумала. Правда, есть идея...

– Какая?

– Ты же знаешь, он бредит звездами. Все мальчишки хотят быть космонавтами, а он – астрономом.

– И что?

– Вот я и подумала: может, ему телескоп купить?

– С ума сошла? Ты представляешь, сколько это стоит? – глаза у нее стали квадратными.

– Ну, я же не «Хаббл» собираюсь приобрести, а какой-нибудь маленький телескоп, домашний.

– Слушай, а может, лучше подзорную трубу? Или бинокль?

– Не, это не то.

– Ну, смотри сама. Твое дело – придумать, наше – участвовать. А ты хоть знаешь, где их продают?

– Пока нет, но будем искать, как говорил Семен Семеныч.

Мы еще с полчаса посидели-поболтали, а потом пошли по домам.

...

С утра зарядил дождь, и резко похолодало. Бабье лето закончилось, не успев начаться. Как же я не люблю холод! Я физически ощущала приближение зимы, хотя был еще толь-

ко сентябрь.

Однажды по телевизору показывали какую-то передачу с участием какого-то композитора. Кажется, Эдуарда Артемьева. Совершенно не помню, о чем там шла речь (ну, о музыке, конечно!), но зато я запомнила, как он сказал, что когда на землю ложится белый снег, у него появляется ощущение, будто ее укрывают саваном. И что он словно умирает каждую зиму и возрождается с каждой весной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.